

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: РЕАЛЬНОСТЬ И МЕДИА-ОБРАЗЫ

Трансляция борьбы с насилием очень часто ведет к пропаганде насилия

Ясен ЗАСУРСКИЙ, декан факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова

Проблема насилия в средствах массовой информации обсуждается нашей общественностью давно. Еще когда только появились фильмы, где изображалось насилие, и мальчики бегали с палками, стали говорить, что на мальчиков влияют эти фильмы.

Когда мы начинали на факультете преподавание зарубежной журналистики, сразу возникли следующие вопросы: отношение СМИ к насилию, отображение в СМИ проблем насилия, секса и так далее, и влияние СМИ на реальное поведение людей. Здесь существовали различные точки зрения. В частности, еще Геббельс в свое время утверждал, что с помощью пропаганды нельзя решить три вещи: секс, страх перед бомбой и производительность труда.

После войны психологи активно изучали проблему воздействия насилия на сознание людей, и тогда были выдвинуты несколько концепций по поводу того, стоит ли изображать насилие в средствах массовой информации. Одна из теорий - теория катарсиса - состояла в том, что когда люди видят на экране насилие, то они как бы переживают это насилие и изживают из себя инстинкт насилия. И, соответственно, показ насилия оправдывался тем, что человеку - исходя, в основном, из фрейдистских психоаналитических теорий - свойственно стремление к насилию, и чтобы это насилие преодолеть, надо его изобразить. И человек, увидевший насилие, потом сам этого насилия совершать не будет.

Другая теория представляла дело иначе и говорила о том, что воспроизведение на экране (речь тогда шла, в основном, о кино) способствует распространению насилия.

Эти две точки зрения по-прежнему существуют и, в общем, имеют право на существование. Но сегодня ситуация осложняется тем, что насилия стало больше в жизни. Если мы сравним изображение тех, кто борется с насилием, в фильмах и на телевидении 60-70-х годов и сегодня, то увидим, что борцы с насилием очень сильно изменились. Что делает современный борец с насилием? Он хватает жертву, бросает ее на пол и топчет ногами. Мне кажется, что подобные приемы, заимствованные сначала нами у американцев, потом успешно - американцами у нас (когда по телевидению показывали "зачистки" в Ираке, то сапоги американских солдат били по дверям точно так же, как сапоги российских солдат в Чечне), очень негативно воздействуют на общество. И трансляция такой борьбы с насилием очень часто ведет к пропаганде насилия. Мы не видим, как насилие осуществляется преступниками, но мы видим, как наши силовые структуры сами применяют насилие, без всякого уважения к личности. Главный принцип наших сил безопасности состоит в том, чтобы уцелели сотрудники сил безопасности. В частности, в ситуации, связанной с захватом мюзикла "Норд-Ост", очень серьезные чины заявляли, что главное достижение проведенной операции в том, что не погиб ни один спецназовец. А что погибло сто пятьдесят мирных людей - это мало беспокоит наших руководителей. И в этом ужас нашей ситуации. Наши силовые структуры не готовы жертвовать собой ради граждан. Ценности смещаются.

Насилие пропагандируют не только и не столько фильмы. Документальные кадры борьбы с преступностью также, к сожалению, способствуют пропаганде насилия. И мне кажется, что это наша большая беда. Государственная концепция борьбы с насилием

не построена на том, чтобы предупреждение насилия преследовало цель защиты граждан.

И все-таки, изображение насилия в СМИ способствует изживанию насильственных инстинктов или распространению насилия? Сторонники теории катарсиса утверждают, что дети всегда играли в войну. Но, играя в войну, они потом совсем не обязательно становятся агрессивными людьми. Может быть, этот детский опыт помогает потом не прибегать к насилию.

Здесь много сложных проблем. Ясно одно: средства массовой информации не могут уклоняться от изображения того, что происходит на самом деле. Если говорить о нашей стране (и о США тоже), то насилие, осуществляемое правоохранительными органами, часто не менее сильно воздействует на сознание, чем насилие тех преступников, которых эти органы обезвреживают. Тем более что терроризм приобрел новые черты, и сегодня борьба с терроризмом тоже вызывает много проблем, потому что часто получается так, что в процессе борьбы с терроризмом права человека оказываются урезаны. То есть идет атака на права граждан ради защиты от террористов. Опять же, на первый план выдвигаются проблемы тех, кто защищает, а не тех, кого защищают. В подобной ситуации журналистика, конечно, должна быть объективной и стремиться к тому, чтобы, борясь с терроризмом, не выплеснуть с водой и ребенка. А у нас и деятельность средств массовой информации, освещающих борьбу с терроризмом, и деятельность правоохранительных органов приобретают зачастую излишне агрессивный характер.

Существует гуманитарное право, существуют различные законы о том, как нужно действовать во время войны, как обращаться с военнопленными, с гражданским населением. Должны быть и какие-то кодексы о том, как бороться с терроризмом и как защищать население. Наш опыт очень неудачный: защищая от терроризма, мы убиваем людей. И сожалений по этому поводу государство не высказывает. Это тоже очень серьезная проблема, и, видимо, наши средства массовой информации не могут не обратить на это внимания.

Таким образом, здесь есть проблемы теоретические, практические и, как мне кажется, юридические. Должны быть поставлены границы насилию со стороны тех, кто защищает от насилия. И эти границы должны быть поставлены законодательно. В конце XIX века Россия проявила инициативу относительно гуманитарного законодательства. Сейчас, на мой взгляд, Россия такие инициативы проявлять не склонна. Может быть, эту инициативу должно проявить гражданское общество.